

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1676](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1676)

Е. Ю. Рождественская

ВОВЛЕЧЕННОЕ ОТЦОВСТВО, ЗАБОТЛИВАЯ МАСКУЛИННОСТЬ

Правильная ссылка на статью:

Рождественская Е. Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 155—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1676>.

For citation:

Rozhdestvenskaya E. Y. (2020) Involved Fatherhood, Caring Masculinity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 155—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1676>. (In Russ.)

ВОВЛЕЧЕННОЕ ОТЦОВСТВО, ЗАБОТЛИВАЯ МАСКУЛИННОСТЬ**INVOLVED FATHERHOOD, CARING MASCULINITY**

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

*E-MAIL: erozhdestvenskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>*

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Faculty of Social Sciences

*E-MAIL: erozhdestvenskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Современные исследования показывают, что отцовство и отцовские практики тесно увязаны с понятием маскулинности и гендерными контрактами. Это означает индукцию изменения в маскулинных и отцовских ролях вследствие активно меняющихся конфигураций образовательных, трудовых и материнских обязанностей женщин. Таким образом, социальный институт отцовства испытывает давление как публичной, так и приватной сферы. Отцовство явно меняется в современном обществе, поскольку во многом разрушены патриархальные семейные структуры, изменились гендерные роли, возникли новые идентичности матери и отца, что делает необходимым изучение коммуникативной структуры семьи/партнерства. Насколько отцы доступны для детей, наполняют реальным содержанием взаимодействие с ними и насколько они берут ответственность за детей? В качестве теоретического подхода в статье развивается социально-конструктивистская платформа, на основе которой автор дискутирует по теории социального признания Алекса Хоннетта, а также по теории заботящейся маскулинности Карлы Эллиот. В качестве приемлемой концептуальной основы автор выстраи-

Abstract. Modern studies show that fatherhood and fathering practices are closely linked to the notion of masculinity and gender contracts. That implies induction of change in masculine and paternal roles due to actively changing configurations of women's educational, labor and maternal responsibilities. Thus, the social institution of fatherhood is under the pressure of both public and private spheres. It is obvious that today fatherhood is undergoing changes as we witness the erosion of the patriarchal family system, appearance of new gender roles, new father's and mother's identities; that is why it is important to study the communicative structure of family/partnership. To what extent do fathers available to their children? Are they eager to interact with them? Are they ready to take responsibility for their children? Based on the social constructivism theory the author discusses the Axel Honneth's theory of recognition, Karla Elliott's caring masculinities. As an adequate conceptual foundation the author builds a complementary gender construction enabling to relativize hegemonic normative form of masculinity at the expense of the legitimating care-related discourse which becomes gender-neutral and unleashes paternal practices in keeping with active father involvement.

вает комплементарную гендерную конструкцию, позволяющую релятивизировать гегемоническую нормативную маскулинность за счет легитимирующего дискурса заботы, который становится гендерно нейтральным и высвобождает пространство отцовских практик в стиле вовлеченного активного отцовства.

В фокусе описываемого в статье эмпирического исследования — вопрос о преемственности и отличиях отцовских практик на протяжении трех поколений. Как воспринимают современные молодые люди отцовское влияние по сравнению с материнским, что говорят их отцы о своем отцовстве, как они вспоминают собственное детство и влияние своих родителей (поколение дедушек)? Изменились ли представления об отцовской роли, остается ли прежним содержание отцовских практик и, вместе с этим, дискурс отцовства в обществе в целом? Исследование построено на анализе коллекции собранных 200 семейных кейсов, каждый из которых представляет собой трехпоколенный срез проблематики отцовства, материнства и социализации в формате полуструктурированного интервью. Исследовательский акцент на отцовских практиках ставит целью отслеживание и контрастирование практик отцовства. Для анализа нарративного содержания описанных отцовских практик выделены категории, на разных уровнях описывающие феномен отцовства и позволяющие отследить поколенческие отличия: в модуле повседневного действия в воспитании, в содержании воспитательных норм, в оценке и режимах оправдания относительно моделей воспитания и участие в воспитании. Основной эмпирический

The focus of the work is succession and differences of parental practices across three generations. The study is based on an analysis of semi-structured interviews with 200 families as case studies representing different viewpoints on the problems of fatherhood, motherhood and socialization. The study places an emphasis on fatherhood in family communication paying attention to motherhood as a background. The author identifies different categories of paternal practices which help to trace generational differences: daily activities related to upbringing, upbringing-related norms, assessments and modes of justification related to upbringing models, and participation in upbringing. The author concludes that fatherhood “returns” to families enriched with care-related practices transforming masculinity; it is valorized as an independent role with a content validity.

вывод заключается в том, что отцовство «возвращается» в семью, обрастает трансформирующими маскулинность практиками заботы, его ценность валоризирована как содержательно самостоятельная роль.

Ключевые слова: отцовство, вовлеченность, признание, забота, практики отцовства, межпоколенное интервью

Благодарность. Статья написана в рамках Проекта «Реконфигурация отцовской роли: поколенческая динамика, отцовские компетенции и практики», поддержанной Научным фондом НИУ ВШЭ (индивидуальный грант № 15-01-0126).

Keywords: fatherhood, involvement, recognition, care, fathering, intergenerational interviews

Acknowledgments. The article is part of the 'Reconstruction of Father's Role: Generational Dynamics, Father's Competencies and Practices' project supported by HSE Academic Fund (individual grant No. 15-01-0126).

Методологический запрос на конструкт признания как теоретическую платформу вовлеченного отцовства

Тематизация отцовства в социологической оптике вполне может быть сведена к инвентаризации отцовских практик. Динамичный сюжет сменяемых паттернов отцовства, помноженный на разнообразие социальных сред, дает объемную картину того, в каком разнообразии вариаций развивается этот сложно артикулируемый социальный феномен. Но методологически ускользает определение баланса предложения отцовского ангажемента и его оценки со стороны семьи и общества в целом. Обществу и семье в лице жены/партнерши и детей нужно больше участия в помощи или за отцом признается вновь отвоеванное место, коннотируемое как позитивная необходимая мужчине роль? Наш методологический поиск и стоящая за ним гипотеза приводят нас к теории признания А. Хоннета и ее социально-психологическим импликациям как основе для размышления о том, на какой идеологической платформе возможно реконструировать тренд вовлеченного отцовства.

Немецкий социальный философ Аксель Хоннет предложил, пожалуй, наиболее обоснованное обсуждение проблематики признания¹. Он привлекает сюжет intersубъективности в целях выявления механизма того, как это достигается, а также для установления роли мотивации и нормативного признания в понимании и оправдании социальных движений. Хоннет выделяет три «сферы взаимодействия», которые связаны с тремя «формами признания», необходимыми для

¹ Ключевая идея социальной философии и социальной динамики по А. Хоннету — признание. Это продукт его переосмысления гегелевской идеи «борьбы за признание», согласно которой переход из животного в человеческое состояние осуществляется благодаря признанию другими, а также идеи Р. Сеннета и Дж. Кобба о том, что социальные конфликты и борьба порождены проблемой признания между партнерами [Sennett, Cobb, 1972]. Итак, за мыслью А. Хоннета о признании стоит обоснованное представление о социальной интеграции путем избирательных или симметричных форм признания. Но вопрос в том, как интерпретируются принципы признания.

развития у индивида положительного отношения к себе. Это любовь, права и солидарность [Honneth, 1995]. Режим признания как «любви» относится к нашим психофизическим потребностям и эмоциям, удовлетворяемым другими, и принимает форму наших первичных отношений (друзья, семья и близкие). Она обеспечивает базовую уверенность в себе, которая может быть разрушена через физическое насилие. Режим признания как «права» относится к развитию нравственной ответственности, развиваемой в рамках наших моральных отношений с другими. Это взаимный режим признания, в котором «индивид учится видеть себя с точки зрения его (или ее) партнера во взаимодействии как носитель равноправия» [Honneth, 1992: 194]. Наконец, режим признания как «солидарность» относится к признанию наших черт и способностей. Это имеет важное значение для развития нашего собственного достоинства и того, как мы становимся «индивидуальностью», поскольку именно наши личные черты и способности определяют наше личностное своеобразие [Honneth, 1995: 122]. Следовательно, в отличие от отношений любви и прав, которые выражают универсальные черты человеческой субъектности, достоинство «требует социальной среды, которая должна быть в состоянии канализировать характерные различия между людьми универсальным способом, более конкретно, в интерсубъективной форме» [ibidem]. Все три сферы признания имеют решающее значение для развития позитивного отношения к себе: для человека это возможно только за счет сочетания уверенности в себе, самоуважения и самооценки, чтобы увидеть самого себя автономным и индивидуализированным существом и определить себя через свои цели и желания [ibid.: 169]. По Хоннету, отрицание признания обеспечивает мотивационную и оправдательную основу для сопротивления. Опыт отрицательных эмоциональных состояний может, как показывают нам в теории, приводить к ощущению происходящей несправедливости. Его концепция в хорошем смысле нагружена «структурными элементами этической жизни», то есть обозначена точка, исходя из которой могут быть сделаны нормативные требования к формам признания, способствующим позитивному отношению к себе. Таким образом, адаптируя философию признания к задаче социального анализа, следует сказать, что социальное признание — это готовность признать дееспособными и договорными участников социального взаимодействия. Это составная часть социального обмена, без которой невозможно социальное взаимодействие. Очевидно, что социальное признание является широкой концепцией, так как оно также включает социальный статус в качестве социального атрибутирования групп людей. Более того, индивиды мотивированы необходимостью социального признания, поскольку, как показывают социологические эксперименты, процесс самоидентификации обусловлен получением признания от других (см., в частности, [Tajfel, Turner, 1986; Baumeister, Leary, 1995; Tyler, Smith, 1999]).

В социальной психологии, особенно в рамках теории социальной идентичности, была выдвинута идея о том, что социальное признание дает человеку подтверждение своего существования (и того, как он существует) вне себя, то есть подтверждение самости человека вне себя [Forgas, Williams, 2002]. Если кто-то будет изолирован от других, то в самоанализе индивид рискует быть самообманутым. Социальное признание, данное другими, снимает эти угрозы и предоставляет

индивиду информацию, подтверждающую достоверность информации о себе. Таким образом, социальный актор социально относителен и подтверждаем.

В связи с необходимостью принадлежности люди создают «категориальное социальное я» [Tyler, Smith, 1999: 252]. Это означает, что мы ищем связи с группами, с которыми имеем общие характеристики. Мы хотим к ним принадлежать, быть членом этих групп [de Cremer, Blader, 2006]. В своем исследовании Р. Баумейстер и М. Лири в свое время обнаружили эмпирические данные, подтверждающие предположение о том, что «люди имеют всепроникающее стремление сформировать и поддерживать некоторое количество прочных, позитивных и значимых межличностных отношений» [Baumeister, Leary, 1995]. Но в необходимости различения люди также хотят, чтобы их признавали отдельными лицами. «Репутационная социальная самость» помогает индивидам занять отличающую их от других позицию. Благодаря репутационному социальному «я» индивиды показывают, что они «заботятся не только о положении своих важных групп в более широком социальном контексте, но и об их положении в важных группах» [Tyler, Smith, 1999: 261]. На практике, конечно, мотив различий часто трудно отделить от мотивов принадлежности, поскольку различие часто достигается путем присоединения к определенным группам.

В совокупности эти элементы описывают широкие рамки социального признания в социальной психологии. Социальное признание обеспечивает необходимое внешнее подтверждение «я» вне самости, чтобы сохранить стабильное психическое состояние. Следовательно, индивиды активно стремятся избегать отрицательного общественного признания и добиваться позитивного социального признания. Для этого они пытаются установить свою принадлежность и отличить себя от других.

Итак, преамбула к вводимому в рассуждение понятию социального признания оправдана в перспективе гендерного анализа социального феномена отцовства, расслаивающегося в российском обществе на разнообразные социально обусловленные формы и меняющегося в направлении социально ответственного участвующего отцовства. Мы рассматриваем этот феномен не только с точки зрения набора разнообразных практик отцовства (fathering), но и с точки зрения нуждающейся в социальном признании роли современного отца и идеологии актуального отцовства, коль скоро прежняя форма патриархального отцовства, построенная на мужской супрематии, уступила идеологии эмансипации обоих гендеров. В перспективе описания массовидных тенденций неимперативного родительства и вовлеченного отцовства концепт социального признания вооружает нас исследовательской оптикой, дающей возможность анализа подкрепляющего поведения в группе близких по взглядам родителей (отцов).

Теоретизация отцовства как социального феномена

Область социального исследования отцовства остается актуальной на протяжении двадцати лет. Часто упоминается обнаруженный факт, что мужчины, открывающие для себя опыт отцовства, сталкиваются с хорошо задокументированным кризисом мужской идентичности [Pleck, 1981], с беспрецедентно обширным количеством разнообразных типов давления (социального, эконо-

мического, исторического и политического), поскольку они стремятся разрешить «многие противоречивые проблемы и требования, предъявляемые к ним из-за их мужского пола» [Gentry, Harrison, 2010: 77]. Соответственно, связи между маскулинностью и отцовством менее ясны, чем связи между феминностью и материнством [Miller, 2011b].

Хотя недавние исследования подчеркивают меняющуюся прагматику отцовства [Miller, 2011a], идея отца-кормильца по-прежнему влиятельна [Brannen, Nilsen, 2006; Coskuner-Balli, Thompson, 2013]. Многие мужчины определяют себя как человека, способного поддерживать свою семью в финансовом отношении [Henwood, Procter, 2003]. Мужчины испытывают социальное давление в направлении тех норм экономически обеспечивающего члена семьи и способа быть мужчиной [Connell, 1987], которые потенциально препятствуют социализирующей и воспитательной роли в семейной жизни [Russell, 1986; Williams, 2008].

Несмотря на возрастающую проблему для более активного участия в воспитании своих детей, отцы все еще меньше вовлечены в этот процесс, чем матери [Henwood, Procter, 2003]. И хотя социальные политики многих государств пытаются способствовать более активному участию отцов, например путем популяризации отпусков по уходу за ребенком и гибкой рабочей политики [Miller, 2011b], сотрудники с отцовскими задачами часто не используют эти возможности [Featherstone, 2009]. Отцы сталкиваются с конфликтами между маскулинной и отцовской идентичностью, что создает напряжение и противоречия в гендерной идентичности [Gentry, Harrison, 2010], а также чувство отстранения от партнерского процесса, ориентированного на женщину [Locock, Alexander, 2006].

С 1940-х годов до 1960-х годов на Западе доминировала модель «гендерных ролей». В этой модели отец все еще был главным кормильцем, но играл более активную, управляющую и контролирующую роль. Он участвовал в воспитании детей, предоставив мужскую модель для подражания, все члены семьи придерживались предписанных гендерных ролей, ожидаемых с учетом социального статуса семьи. Другими словами, отцовство было мостом между частной и общественной сферами или между индивидом и обществом. В исследованиях отцовства в США эта модель была описана как реакция на предыдущий порядок, в котором мать была изолирована в частной сфере, так что дом и дети были женским доменом.

В 1960-х годах появилась новая модель отца как «воспитателя». В этой модели отец более активен, чем раньше. Он участвует в воспитании детей и уходе за ними. По сравнению с другими моделями отец больше ориентируется на частную сферу семьи и ставит своей целью удовлетворение физических и эмоциональных потребностей детей. Тип отцовства, добавленный недавними исследованиями и тесно связанный с этой моделью, это то, что было названо новым отцовством. При рассмотрении этой практики отцовства мы находим соответствующие термины: «новое отцовство», «участие в отцовстве» и «ответственное отцовство». Этот тип отцовства основан на равенстве в отношениях между мужчиной и женщиной в семье, а мать и отец несут активную равную ответственность за воспитание и уход за детьми. Отец готов сбалансировать работу и семейную жизнь и позволить своей партнерше сделать то же самое.

Начиная с 1970-х годов психологи и социологи констатируют, что набирает популярность новый идеал отцовства. Фильмы и телевизионные шоу тематизируют любовь мужчин к детям, даже если мужчины, которых они изображали, изначально были показаны как комично неумелые. Большинство социологов предположили, что мужчины не способны и не заинтересованы в фактическом практическом воспитании, но исследования показали, что по крайней мере в лабораторных условиях отцы могут заботиться о младенцах и маленьких детях [Parke, 1996]. После того как был сформулирован общественный запрос на отцовское участие, исследования сфокусировались на «гендерных различиях» в стиле воспитания. Отцы обычно более предрасположены, чем матери, заниматься активной физической игрой, быть более директивными, уделять больше внимания сыновьям и относиться к мальчикам и девочкам согласно гендерным стереотипам времени. Установлено, что уникальные стили игры отцов улучшают эмоциональное состояние детей отчасти потому, что они вынуждали детей самостоятельно регулировать ход игры [ibid.]. Другие исследования социологов и психологов показали, что мужчины и женщины выполняли уход за детьми в разных условиях и в сочетании с различными видами деятельности. Женщины чаще всего занимались уходом за детьми в домашних условиях и часто выполняли многочисленные домашние задания, одновременно заботясь о потребностях детей. Отцы, напротив, с большей вероятностью наблюдали за детьми в общественных местах (например, в парках и на детских площадках) и заботились о них в режиме единственной деятельности. Таким образом, чаще уход за ребенком для матерей — это постоянная задача, а для отцов — развлечение [Coltrane, 1998].

Опять же, исследования показывают, что существует разница между нормативным и фактическим отцовством. Отцовское участие в воспитании детей по-прежнему отличается от поведения матерей. Отцы действительно более вовлеченные, но доля игры по отношению к уходу в общем времени, проведенном с детьми, намного больше, чем для матерей, которые все еще являются основными опекунами. Следует отметить, что рост активного отцовства сопровождается увеличением числа семей, где отец полностью отсутствует. Также важно, что существует ряд факторов, влияющих на присутствие и участие отцов в семьях и в детской жизни. Есть отцы, по разным причинам предпочитающие избегать воспитания своих детей, но есть и внешние факторы, которые могут влиять на отцовство (например, структурные процессы, обусловленные индустриализацией). Другим аспектом, который во многих предыдущих исследованиях считался важным, является роль матери детей. Ее часто рассматривают как сторожа, который, если она пожелает, может оттолкнуть отца от задач по воспитанию детей, хотя потенциально может обеспечить роль кормильца.

В ответ на рост женского движения и вовлечение материнской рабочей силы многие наблюдатели предсказывали, что отцы начнут брать на себя ответственность за большую долю родительской и другой семейной работы. Однако несколько десятилетий исследований показали, что, хотя мужчины работают больше, женщины продолжают выполнять большую часть работы по дому, остаются экспертами по уходу за детьми и служат эмоциональными менеджерами для своих семей. В целом семейное разделение труда при наличии детей становится более

гендерно обусловленным, ведь у женщин сокращаются оплачиваемые рабочие часы, хотя оба родителя имеют тенденцию увеличивать свой вклад в семейный труд после рождения ребенка. Матери по-прежнему больше, чем отцы, трудятся, чтобы обеспечить непрерывный уход за детьми, тратя значительно больше времени, чем отцы, на кормление, одевание, уборку и наблюдение за маленькими детьми. Исследования показывают, что матери проводят вдвое больше времени по сравнению с отцами за этими занятиями, хотя многие мужчины увеличили время, проведенное с детьми дошкольного и школьного возраста в 1980-х и 1990-х годах [Parke, 1996; Pleck, 1987]. Исследования показывают, что пары равномернее делят семейную работу, если оба партнера работают на постоянной основе, их доходы равновелики, они верят в равенство полов, и они малолетны [Coltrane, Collins, 2001].

Итак, социальный феномен отцовства приобрел гораздо более четкие очертания за последние десятилетия: обнаружена связь дискурса об отцовстве с артикулируемым кризисом маскулинности и в целом формами маскулинности. Типаж кормильца устоял и по-прежнему является доминирующей моделью в ширящемся разнообразии типов маскулинности. Новые формы и типы отцовства связаны с ростом активности отцов внутри семьи, а также с их большей вовлеченностью благодаря инструментам социальной политики.

Типология современного отцовства

В предыдущих публикациях мы описывали типологию современных отцов [Рождественская, 2010] как отражение многообразия полей отцовских практик в широком европейском контексте. Самым узнаваемым и воспроизводимым в этой галерее типов отцовства является традиционный кормилец, который ориентирован на рождение детей, предоставление материальных ресурсов и защиту семьи. Но при этом отцовство неререфлексивно, оно воспринимается как дополнительная деятельность в разрезе полоспецифического разделения труда с естественно понимаемыми различиями между мужчиной и женщиной. В повседневности традиционный отец не стремится к ответственности, совместным играм и разговорам с детьми, общим событиям и переживаниям. Иной тип — модерный кормилец, который наряду с классическими функциями обеспечения и защиты строит тесные отношения с детьми. Но при этом основная ответственность за уход и воспитание детей, равно как и домашний труд, лежит на жене. «Ререфлексивный» отец намерен стать больше чем только кормильцем, его отличает попытка индивидуального пересмотра роли отца. Следующий типаж — целостный, комплексный отец, взаимозаменяемый с матерью. Для него отцовство приобретает черты важного «проекта» в жизни, ценность ребенка эмоционально обоснована. Содержанием такого отцовства становится прежде всего участие в форме интенсивного присутствия, предметной ответственности и занятости в повседневности ребенка и семьи в целом. Эгалитарный отец делит обязанности по обеспечению семьи и воспитанию детей с партнершей пополам, его детей приводит в восторг, если отец выполняет вместе с ними разные домашние задачи и перенимает бытовые компетенции, в том числе кулинарные. Эгалитарного отца сопровождает партнерша, равно участвующая в пополнении семейного бюджета. Из негативных коннотаций отцовства уместно упомянуть классическую модель отсутствующего

отца, возникающую вследствие отклонения заботы о последующем поколении. Наконец, как реакция на разбуженный общественный интерес к фигуре отца, его эгалитарным, современным, «новым» вариациям, а также и скептицизм относительно перспектив участия из-за трудовых перегрузок, было предложено прагматичное обозначение эмпирически узнаваемого типажа «достаточно хорошего отца». Эта позиция легитимирует сбалансированную норму умеренно участвующего отца в условиях его более широкой реализации. Таким образом, можно заметить, что моделирование отцовства становится более горизонтальным феноменом, сглаживающим прежнюю иерархическую гендерную конструкцию (доминирование патриархального/традиционного отца над домочадцами). Его вариации связаны с различными гендерными контрактами, о чем еще пойдет речь ниже, дискурсивно оговоренной мерой участия и явно достигнутым признанием ценности присутствия отца в семье.

Вовлеченность отцов

Большинство исследователей согласны с тем, что то, что отцы делают с детьми и для детей, важнее простого совместного проживания или частоты контакта между отцом и ребенком [Parke, 1996]. Матери остаются менеджерами по уходу за детьми в подавляющем большинстве домашних хозяйств, но данные свидетельствуют о том, что по крайней мере некоторые отцы занимают более активную позицию в этой области [Coltrane, 1996; Pleck, 1987].

Поскольку исследователи уделяют все больше внимания отцам, мы начинаем понимать, какое влияние может оказать их расширенное участие на развитие ребенка и гендерные отношения. Мы знаем, что ресурсы отцов улучшают жизненные шансы детей. Когда отцы участвуют в заботе о детях и работе по дому, занятые женщины избегают полной ответственности за семейную работу, оценивают разделение труда как более справедливое, менее депрессивное и испытывают более высокий уровень удовлетворенности брачными отношениями [Coltrane, Collins, 2001]. Когда мужчины заботятся о маленьких детях на регулярной основе, они подчеркивают это в словесном взаимодействии, замечают и используют более тонкие реплики, а также относятся к сыновьям и дочерям одинаково (вместо того, чтобы сосредотачиваться на игре, отдавать приказы). Эти различия между повседневным и случайным отцовством заслуживают дальнейшего изучения, поскольку они предвещают различные социальные последствия. Большинство исследований показывают, что дети с активно вовлеченными отцами демонстрируют усиленную интеллектуальную и социально-эмоциональную адаптацию, а также развивают более сбалансированные структуры эго и гендерные ожидания [Coltrane, 1996; Parke, 1996].

Когда многие отцы тратят все больше времени на своих детей, высокий уровень разводов и растущие темпы внебрачных рождений удерживают других мужчин от родительства. Во многих промышленно развитых странах все больше мужчин редко видят своих детей и не поддерживают их финансово [LaRossa, 1997]. Обе тенденции в будущем — сокращенный контакт и снижение финансовой поддержки — являются ответами на одни и те же социальные изменения, включая участие женщин в повышении занятости и все более необязательный характер брака.

Итак, обзор социологических подходов и исследований современного отцовства подталкивает к концептуальному ограничению рассмотрения практик отцовства в составе следующих трех компонент, предложенных М. Е. Лэмб с коллегами [Lamb et al., 1985]:

- взаимодействие,
- доступность,
- ответственность.

Взаимодействие относится к непосредственному контакту отца с ребенком посредством предоставления помощи и совместной деятельности. Последние стратегии измерения в этой области обращают внимание на форму и содержание взаимодействия, различая игру, обучение и уход, предлагая оценить качество взаимодействия, а также время, затрачиваемое на взаимодействие. Доступность — это связанная с этим концепция, направленная на потенциальную доступность отца для взаимодействия в силу присутствия или доступности для ребенка. Ответственность относится к роли, которую отец берет в подтверждение того, что он позаботился и создал ресурсы для доступа к ребенку как внутри дома, так и за его пределами.

Заботливая маскулинность

Разворот отцовской идентичности и практик отцовства к вовлеченности актуализирует вопрос о комплементарной маскулинности. Гегемонная маскулинность как паттерн обладает набором черт, идеологически контрастирующих с вовлеченностью, заботой и уходом. Каковы альтернативные представления о маскулинности, которая была бы совместима с обозначившимся трендом на вовлеченное отцовство? Такие дебаты ведутся в поле исследований маскулинности в связи с обсуждением пределов экономического роста, экономическим кризисом и необходимым переходом к обществу заботы [Heilmann, Korn, Scholz, 2019: 14]. Авторы привлекают теорию резонанса Хартмута Роза и понятие заботы Джоан Тронто, чтобы обосновать заботу как индивидуальную и коллективную практику, основанную на специфическом субъективном действии в самых различных социальных областях. Забота в одном резонирует и в других областях. Важный эффект этой установки — расширение задачи социального воспроизводства, прежде предписанной женскому гендеру в приватной сфере, в том числе и на мужчин. Реабилитация заботы как модуса действия для мужского гендера — вот эта теоретическая конструкция и служит неким мостиком для связи с вовлеченным отцовством.

Впервые термин «заботящаяся маскулинность» появился в проекте ЕС «Содействие заботящейся маскулинности», в котором ставилась задача предложить социально-политические решения для баланса жизни и труда мужчинам для их лучшей интеграции в семью [Gärtner, Schwerma, Beier, 2007]. В этом же направлении Маркус Тойнерт строит свою модель мужской заботы, которая включает инновативные компоненты заботы, в том числе и об окружающем мире и природе, а также заботу о сообществе и соседстве, а классическая материальная забота мужчины-кормильца о семье вписывается в этот концепт наряду с другими видами заботы [Scambor, Holter, Theunert, 2018: 10]. Солидарен с Тойнертом и Михаэль Мойзер, утверждая отцовскую вовлеченность вместе

с заботливой маскулинностью в формуле «забота не только о семье, но и в семье» [Meuser, 2016]. Но, пожалуй, самым дискутируемым текстом о заботящейся маскулинности является концепция «заботящиеся маскулинности» Карлы Эллиот [Elliott, 2015]. Эллиот увязывает заботливость маскулинности с особой мужской идентичностью, которая отклоняет доминантное поведение и связанные с ним качества и включает заботящиеся ценностные отношения, а также позитивные эмоции, взаимозависимость и социальные отношения [ibid.: 240]. Автор здесь конфронтирует с гегемонной маскулинностью, формулируя запрос на новый паттерн маскулинности. «Центральный критерий для заботящихся маскулинностей остается... интеграцией заботы и избегания доминантности» [Elliott, 2019: 211]. Но критика пришла с другой стороны: содержание самой заботы рассматривается как нагруженное и доминантностью, и контролем, и властью, как об этом пишет М. Лауфенберг [Laufenberg, 2017: 362]. Речь, вероятно, все же не об идентичности заботливой маскулинности, а о специфических практиках, (1) которые нужно дифференцировать как гегемонные и негегемонные, и (2) которые связаны с различными легитимирующими их медиадискурсами. В целом актуальная дискуссия вокруг заботящейся маскулинности проявила ряд позиций, сформулированных достаточно контрастно:

- «романтическая тоска» мужчин по выраженной заботе о ком-то (в том числе и о себе, что постоянно дебатировалось в медиа как кризис маскулинности, из которого нет выхода) и как новая этика и семантика вовлеченного отцовства, нуждающегося в признании обществом,
- «конкретная утопия», которая понимается вовсе не как нечто недостижимое, а как целеориентированная трансформирующая деятельность, в процессе которой вовлеченные в практики заботы мужчины будут сами изменяться; в этом смысле в термине «заботящаяся маскулинность» есть своя эвристика, приглашающая к новым, безусловно политизированным отношениям к себе самому и окружающему миру, а также к научному анализу трансформирующих практик маскулинной заботы;
- «пограничная фигура», специфический опыт субъективации тех, кто вовлечен в практики заботы, двойное позиционирование мужского автономного субъекта и другого как субъекта и объекта заботы [Heilmann, Korn, Scholz, 2019: 21—29].

Итак, романтически привлекательный концепт заботящейся маскулинности и отцовство, которое нуждается не только во внутрисемейном признании, но и в широкой реабилитации в духе концепции А. Хоннетта, открывают многообещающие перспективы для изучения феномена отцовства. С одной стороны, признание как позитивный жест, возвращающий авторитет мужчины и отца в семье, может быть рассмотрен в семейно-партнерском контексте, в процессе перераспределения власти/авторитета и ресурсов, материальных и временных. И это возвращение отца в семью на основаниях большей осознанности, новых ценностей невозможно без соучастия партнерши и матери, вероятно, готовой взять часть экономических забот на свои плечи, а также поступиться частью внутрисемейного объема власти над ребенком, вырастающей из дисциплинарного авторитета непосредственно воспитывающего родителя. С другой стороны, семейное право и меры социаль-

ной политики начинают учитывать в российском контексте значимость фигуры отца (судебные решения о передаче ребенка при разводе, юридические нормы и практика отцовского отпуска по уходу за ребенком) и осуществляют реставрацию признания феномена отцовства на социальном уровне.

Пределы или барьеры в изменении отцовства связаны с консервирующим понятием гегемонной маскулинности. С последней в широких культурных контекстах нормативно ассоциированы ориентация на занятость, исключение эмоций и доминантность [Baur, Luedtke, 2008; Hanlon, 2012], поэтому идеи о новых отцах с их эмоциональными и практическими инвестициями в эмоциональную работу, заботу и уход приобретают символическую напряженность. Но сдвиг в теоретизировании в том, что маскулинность отцов, активно участвующих в частной сфере и ухаживающих за своими детьми, теперь больше не рассматривается как культурно необеспеченная, их мужественность уже не ставится под сомнение. Новое вовлеченное отцовство, выстроенное на такой довольно амбивалентной конструкции маскулинности, имеет существенные символические, связанные прежде всего с профессиональной карьерой, лимиты. Эта двойственная мужественность «нового отца» нуждается в переоценке базового для маскулинности разграничения с паттерном женственности, в режиме дискурсивного строительства. Более того, эта задача может быть реализована (но все еще не легитимирована) за счет перехвата фемининной повестки маскулинностью, как это отражено в предложении К. Эллиот [Elliott, 2015]. Но какие пути легитимации возможны для такой заботливой/заботящейся мужественности и отцовства, если контекстуально они требуют прежде всего перекодирования сферы занятости под социальные программы поддержки родителей обоого пола? Здесь расхождение дискурсов еще существеннее, оно порождает разрыв между нормативно одобренным (отпуск по уходу за ребенком, номинально для обоих родителей) и практиками отказа в этом работодателей и уклонения со стороны самих отцов.

Отцовство в России

В фокусе нашего исследования — отцовство в России. Проблемы отцовства могут быть тематизированы в контексте демографического кризиса из-за сокращения населения, которое в последние годы привело к тому, что российское государство стало активно заниматься семейной и демографической политикой. В российской государственной политике вопросы отцовства почти полностью отсутствуют, в то время как подчеркивается важность хорошего материнства. В то же время исследования показали, что отцовство как социальный институт и как практика имеют важные последствия для общества, в частности потому, что поведение и отношение отцов влияют не только на их собственное физическое и психическое здоровье, но и на матерей их детей и собственно детей.

Методологически в последние десятилетия отцовство чаще изучалось в рамках социального конструктивизма. С этих точек зрения отцовство рассматривается не как заданное или фиксированное, а, скорее, как политизированный социальный конструкт, который подвергается нормативному давлению со стороны политических, религиозных и социальных институтов. Отцовство, с одной стороны, — это социальный институт, подразумевающий нормы, ценности, общественные смыслы

и дискурсы, связанные с отцовством, а также права и обязанности, вытекающие из статуса отца. Отцовство как социальный институт включает в себя также законодательство и формальные институты, регулирующие права на опеку, поддержку детей, алименты и т. д. Отцовство, с другой стороны, существует как практика, относится к «исполнению» отцовства, фактическому поведению и действиям отцов. Оно подразумевает взаимодействие с детьми и партнерами: участие в уходе за беременными (например, присутствие при УЗИ и родах), уход за детьми (смена подгузников), воспитание детей (дисциплинарные практики) и подача заявления на отпуск по уходу за ребенком. Культура отцовства и контекст общества влияют на то, как отец размышляет о своей роли отца и о том, как он действует в отношении своих детей. Однако нормы, ценности и отношения не всегда совпадают с реальным поведением. Опросы показывают, что отцовство, то есть фактическое участие мужчин в воспитании и уходе за детьми, изменилось гораздо меньше, чем дискурсивные представления и нормы о нем [Отцовство в России сегодня, 2016].

Современное отцовство невозможно определить в отрыве от норм, касающихся материнства, норм мужественности, семейных структур, режимов благосостояния и более крупных социально-экономических процессов. Поэтому его следует анализировать в более широком контексте с учетом гендерного контракта, то есть гендерного разделения труда на работе и дома. А. Темкина и А. Роткирх проводят различие между «официальными» гендерными контрактами, которые включают государственную политику, идеологию и законодательство, и «повседневными» гендерными контрактами, состоящими из норм поведения членов домохозяйства [Темкина, Роткирх, 2002]. Иными словами, гендерный контракт имеет общественное измерение, включающее, например, систему социального обеспечения, и частное измерение, включающее семейные отношения. Отцовство в социальном измерении в значительной степени зависит от системы социального обеспечения и общих социально-экономических структур и процессов. Одно из важнейших социальных изменений в промышленно развитом мире — снижение рождаемости и увеличение участия женщин на рынке труда. Эта трансформация напрямую повлияла на снижение роли женщин в качестве опекунов: ребенок и воспитание детей теперь не составляют большую часть жизни женщины, хотя мать и остается основным опекуном. Это новое положение вещей потребовало от женщин возможности совмещать работу и семью, что создало новую функцию для государства всеобщего благосостояния. Таким образом, режимы благосостояния стали сильным идеологическим источником влияния на разнообразные формы гендерного контракта. Историческое развитие государства всеобщего благосостояния и различия между режимами благосостояния тесно связаны с историческими моделями отцовства, поскольку они отражают и поддерживают ценности и нормы пола, а также определяют юридические и экономические условия родительства.

В узком смысле частное измерение отцовства связано с отношениями между родителем-мужчиной и его биологическим потомством и/или пасынками. Отцовство также имеет последствия для отношения отца к матери, влияя, например, на роль отца в семье, независимо от того, оказывает ли отец поддержку во время беременности, принимает ли он участие в родах ребенка и в какой степени участвует в задачах по воспитанию детей. На эти отношения влияют нормы и идеи социальной

среды обитания в частной сфере. Это касается как отношения к матери (и удовлетворенности браком), так и отношения матери к участию отца в воспитании детей. Исследования показывают, что совместный брак и поощрение матерью участия в воспитании детей увеличивает участие отца, и наоборот. Брак (или стабильные отношения и совместное проживание) и родительство, таким образом, более тесно связаны для мужчин, чем для женщин. Эта более хрупкая связь между отцом и ребенком делает отношения более чувствительными к контекстуальным факторам. Более того, отношение отца к его собственному отцу (или другим отцам) и родственникам, а также к друзьям и коллегам, также играет определенную роль.

Исследовательская литература по теме отцовства демонстрирует разнообразные подходы: от качественных исследований до количественных. Быстро растет корпус социологической литературы по отцовству, изучаются смежные темы, такие как родительство и мужественность (см., например, многие работы А. Темкиной, Е. Здравомысловой, Ж. Черновой, А. Авдеевой, И. Клециной, И. Кона, И. Тартаковской и др.).

В своем исследовании А. Авдеева на основе интервью с отцами приходит к выводу, что вовлеченные отцы демонстрируют широкую активность, направленную на детей и связанную не только с уходом, но и с дошкольным образованием, обсуждением вопросов воспитания и благополучия. При этом важны приоритеты отцов, которые автор называет типами исполнителя (работа важнее всего) и управляющего (семья также важна наряду с работой). «Работающий „вовлеченный“ отец, вне зависимости от своих приоритетов, сталкивается с необходимостью совмещать профессиональную деятельность и отцовство, поэтому ему приходится вырабатывать стратегии оптимизации времени и пространства в приватной сфере. Вовлеченный отец может разделять обязанности с супругой или выполнять их с ней по очереди, совмещать несколько дел сразу, компенсировать недостаток внимания ребенку „качественным временем“ или делегировать обязанности бабушке, няне или детскому саду» [Авдеева, 2012: 103]. Но основной императив вовлеченного отцовства, с точки зрения Авдеевой, — «не создавать препятствий для трудовой (профессиональной) занятости отца», поскольку «вовлеченный отец продолжает оставаться (основным) добытчиком, что влечет за собой преимущественно традиционное разделение обязанностей в семье» [ibidem].

И это ограничение — лишь бы не мешало работе — становится понятным ввиду общего контекста трудового рынка и институциональной регуляторики. Как пишет Ж. Чернова, существенный фактор здесь — «позиция работодателя по данному вопросу, а также представление о гегемонной маскулинности, характерное для того или иного общества. Работодатель и корпоративные поддержки, предоставляемые работнику на предприятии, играют роль посредника между законодательно закрепленными нормами и индивидуальными практиками отцовства» [Чернова, 2011: 103]. Таким образом, установки работодателя, воспринимающего мужчину с отцовскими обязанностями прежде всего как работника, ограничивают готовность работающего отца поступиться рабочим временем в пользу родительских обязанностей.

Констатация этого положения с доминированием ведущего гендерного контракта с мужчиной-кормильцем отчасти помогает понять замкнутый репертуар социальных возможностей, но проблематизирует сам репертуар гендерных контрактов.

В целом исследования показывают, что отцовство связано с гендером. И не только в прямом биологическом смысле, но и через социальные опосредования — институты брака, рождения-усыновления, патронажа, через институциональные механизмы ролевого распределения, гендерные контракты. Идентичности мужчин как работников, партнеров и отцов тесно переплетаются с идентичностями женщин как работниц, партнерш и матерей, то есть связаны через конструкт гендерного социального контракта. Что понимать под социальным контрактом? Социальный контракт — это обмен ожиданиями между социальными агентами (группами), предполагающий выполнение конкретных ролей, порождающий определенные практики и способы легитимации. Различение вертикальных и горизонтальных социальных контрактов говорит об интерсекциональном переплетении макро-, мезо- и микроуровней возможного анализа, создающих сложно устроенную комбинацию структурных, институциональных и социально-групповых факторов, определяющих содержание контракта. Очевидно, что у различных социальных групп будут складываться различные социальные контракты. Но также очевидно, что нарушение или разбалансирование социальных контрактов, происхождение которых имеет институциональную природу, провоцируется кризисом социальных институтов. Эпохи социальных перемен или слома социальных порядков ставят под сомнение системы функционирующих контрактов, девальвируют их, а также вызывают к жизни новые социальные контракты.

Культурная трансформация отцовства выглядит как отход от модели «традиционного» отца, воспринимаемого как более далекий родитель, авторитетная фигура, дисциплинарный кормилец, через сложный период, означенный советским этакратическим гендерным порядком, с его отчуждением власти отца к современному варианту нового вовлеченного воспитывающего отца. Уравновешены ли теперь взаимодействие, доступность и ответственность как индикаторы отцовской вовлеченности с внешним признанием важности отцовской роли? Или мы наблюдаем скорее идеологический сдвиг в ориентации мужчин на родительство?

Отцовство меняется в современном обществе, поскольку разрушены патриархальные семейные структуры, изменились гендерные роли, возникли новые идентичности матери и отца вследствие перемен в гендерных контрактах, что делает необходимым изучение коммуникативной структуры и практик внутри семьи и партнерства. Тезис нашего исследования заключается в том, что этот социальный процесс ремоделирования семейных ролей стимулирует взаимное переопределение социальных позиций в семье, но отцовство испытывает особенно радикальные преобразования. Их можно кратко назвать «возвращением» отца в семью в поисках признания (А. Хоннетт) себя полноправным участником процессов заботы (К. Эллиот) внутри семьи, не только о семье в роли классического кормильца. Это изменение является центральным для семейной социализации, триады «отец — мать — ребенок», поскольку имеет следствием реконфигурацию социализационных влияний. Наша исследовательская работа рассматривает трансформационные практики отцовства, возникающие в результате этих процессов, в нескольких поколениях: насколько изменилось содержание отцовских практик?

Эмпирическое исследование: от деда к отцу и сыну

Как мы выяснили в предыдущих суждениях, отцовское участие играет важную роль в дискуссии о гендерной справедливости, примирении работы и семейной жизни. Поэтому проведенные полуструктурированные интервью на нескольких поколенческих уровнях индуцированы вполне нормативной идеей, что отцы должны быть вовлечены в заботу о своих детях, как значимым моментом «дискурсивной детрадиционализации отцовства» [Meuser, 2005: 93]. Тем самым обеспечивается возможность повторного кодирования частной перспективы, исходя из гендерного эмансипированного порядка. Дискурсивная практика, и вместе с ней субъектная позиция отца, однако, оказываются при ближайшем рассмотрении хрупкими и не привязанными к отнюдь не эквивалентным дискурсивным конструкциям отцовства и материнства. В центре дискурса отцовства, таким образом, занятость, причем тотальная. Отец говорит, как «вторичный родитель» [Wall, Arnold, 2007: 522], следующий вторым рядом за матерью.

Заметны процессы преобразования в переходной фазе, которая характеризуется сосуществованием старого и нового гендерных порядков, когда можно найти в дискурсивной практике все эти уровни социального различения. Как уже упоминалось ранее, это поднимает вопрос о (теоретической) интерпретации этой дизъюнкции отцовского участия в частном и дискурсивном воспроизводстве гендерных различий. Для этого Дж. Батлер предлагает термин *амбивалентность*, понимаемый как «по крайней мере, два работающих желания, два сосуществующих, несмотря на их несовместимость, истинных мотива» [Butler, 2014]. Понятие амбивалентности, таким образом, относится к крайне противоречивой одновременности, связанной с дизъюнктивной позицией отца. Это говорит о том, что существенное изменение отцовства имеет свои пределы.

Формат предпринятого качественного исследования отцовских практик от поколения к поколению предполагал самоинтервьюирование респондента в семье. Тип интервью — полунарративный/полуструктурированный, в задачи входило получить информацию о родительских практиках, в том числе материнских и отцовских (которыми мы здесь и ограничиваемся), в трех поколениях собственной семьи. В качестве информантов выступали студенты, их родители (мама и папа), если есть — бабушки и дедушки. Студенты опрашивали бабушек/дедушек на предмет их детства в их родительской семье и воспитания/социализации родителей респондента, далее — их родителей на предмет их детства в их родительской семье и детства и практик воспитания/социализации по отношению к ключевому информанту-студенту. Наконец, студент(ка) вспоминает собственное детство и этапы социализации, оценивает стиль воспитания, припоминает случаи из практики социализации. Совокупно эмпирическая информация каждого кейса ($N = 200$) суммирует практики воспитания и социализации трех поколений семьи. В качестве нарративного импульса задавался вопрос: «Меня интересует история нашей семьи в особом ракурсе — как воспитывались, росли и становились взрослыми. Расскажи, пожалуйста, как проходило твое детство, как тебя воспитывали родители, что считалось важным в воспитании, какими мерами, правилами, практиками родители добивались своего, как относились к детям, как поощряли и наказывали, как заботились и лечили, как планировали образование. Словом, все, что сочтешь нужным». Установка для ведущего разговор

информанта — не только сообщать и давать оценки, но стимулировать к историям, в которых транслируется практика, пережитый факт и оценка.

Подобный дизайн был призван обслуживать теоретическую задачу — реконструировать межпоколенные подвижки в практиках воспитания и социализации, качественно контурируемые в поколенческих срезах. Разумеется, в выборку попали и разведенные семьи, что создавало две принципиальные подгруппы с отцом-резидентом и нерезидентом. Эти различия фокусируются на разных формах социальных капиталов в семьях с разводом и без. Из теоретической литературы нам известно, что родители имеют несколько форм капитала, таких как финансовый и культурный капитал, что позволяет им повысить социальные успехи и успеваемость своего ребенка [Bourdieu, Passeron, 1990; de Graaf, 1988]. И если в развитых европейских странах — государствах всеобщего благосостояния при недорогом высшем образовании и образовательных субсидиях для детей с низким доходом родителей финансовые барьеры в системе образования сводятся к относительно-мному минимуму [de Graaf, 1988; de Graaf, de Graaf, Kraaykamp, 2000], то подобного не скажешь о повседневности российских семей. По поводу культурного капитала, который может быть определен как сочетание предпочтений, лингвистических навыков, норм, поведения и (культурных) знаний [Bourdieu, Passeron, 1990], известно, что он положительно связан с образовательными достижениями ребенка [de Graaf, 1988; de Graaf, de Graaf, Kraaykamp, 2000]. Тем не менее Дж. Коулман утверждает, что культурный и финансовый капитал не являются достаточными факторами для обеспечения успешной передачи образовательных достижений. Он предполагает, что ребенок будет продвигаться благодаря родительским ресурсам, только если в действительности в семье существует достаточный социальный капитал. «Внутрисемейный социальный капитал» состоит из двух центральных элементов: физического присутствия родителей и внимания, уделяемого ребенку (парциальное участие) [Coleman, 1988]. Эти два элемента вместе позволяют родителям предпринимать такие действия, как помощь в выполнении домашних заданий, обсуждение связанных со школой вопросов, чтение вместе, которые заметно влияют на образовательный прогресс. Предыдущие исследования показывают, что для многих отцов-нерезидентов количество контактов с ребенком снижается после того, как они покинули дом из-за развода или разъезда; отцы больше физически не присутствуют во время повседневной жизни своих детей, реже взаимодействуют с ними и менее вовлечены в процессы социализации [Scott et al., 2007; Cheadle, Amato, King, 2010; Kalmijn, 2015]. Также известно, что умножение конфликтов после развода между родителями ослабляет отношения между отцом-нерезидентом и его ребенком [de Graaf, Fokkema, 2007; Ryan, Kalil, Ziolo-Guest, 2008]. Но другие родительские фигуры могут компенсировать потерю ресурсов в результате нерезидентного отцовства. Например, было обнаружено, что усиливается связь матерей и детей, когда дети не живут вместе с их биологическим отцом [Mandemakers, Kalmijn, 2014; Erola, Jalovaara, 2017]. Одним из косвенных выводов из теории Коулмана является то, что другие взрослые, биологически не связанные с ребенком, также могут передавать социальные капиталы детям, если они физически присутствуют и интенсивно участвуют в процессе социализации. Предыдущие эмпирические исследования подтверждают, что, например,

отчимы могут передавать социально-экономические статусные характеристики пасынкам [Eriksen, Sundet, Tambs, 2013; Erola, Jalovaara, 2017].

Таким образом, идеи Коулмана о физическом присутствии и интенсивном участии в процессе социализации, а также идеи из предыдущего обзора о факторах вовлеченного отцовства, такие как взаимодействие, доступность и ответственность, стали основой для операционализации концептуальных моментов в эмпирические референты качества отцовства в динамике поколенческих отличий. Мы имеем в виду аналитические категории — модус повседневного действия в воспитании, нормы в воспитании, оценочное суждение и режим оправдания.

Отдельного внимания заслуживает дискурсивный режим доступа к обыденному знанию, связанному с отцовством. Дизайн исследования специфичен. Не исследователь с его объективирующими и перформативными установками, а участник данного семейного союза присутствует в поле и наблюдает за семейной реальностью с единственным медиумом такого доступа — языком, дискурсивными формами проговаривания семейных взаимоотношений, которые ситуативны, не целостны, эмоционально заряжены и пристрастны. Следуя за постструктуралистским подходом Дж. Батлер, рассмотрим культурную категорию «отец» как дискурсивно предоставленную в социальном порядке повседневного знания [Butler, 2008]. Вытекающий из этой посылки способ анализа — документация дискурсивной практики относительно отцовства. Это высказывания респондентов как лингвистически упорядоченная в одном поле взаимоотношений практика. Полевое проектирование связано с вовлечением взрослых детей в интервьюирование родителей об опыте их личной социализации и опыте воспитания в семье рождения. Таким образом, опыт включен в формат опривыченной семейной коммуникации и в значительной степени предрефлексивен. Он скорее привязан к отношениям в логике поля, в котором он генерируется и внедряется в биографически сложившееся пространство мыслимого и выразительного. Такие семейные «простые» риторические дискурсивные высказывания воспринимаются как нечто, что члены семьи в прямом смысле слова знают без вопросов, то есть то, в чем они действительно убеждены и во что могут глубоко верить. С точки зрения доступа к практике такой формат беседы разворачивает свой потенциал в проговаривании специфических релевантных контекстов и в то же время выражает их самих как субъектов.

Интерпретация результатов

Схлопывая несколько промежуточных стадий уплотнения высказываний, полученных в режиме кодирования по системе Б. Глэзера и А. Страусса [Glaser, Strauss, 1967] и относящихся избирательно к практикам отцовства (fathering), мы получили категории на основе различных текстуальностей — маркеров различной переработки повседневности.

Если реконструировать модус повседневного действия отцов в воспитании, то мы обнаруживаем набор действий, охватывающих сферы учебы, спорта, морального развития, наполнения досуга, мотивирования:

Редко вмешивался, если только с математикой.

Просто приходил в мою комнату и объявлял, что нам надо поговорить.

Он помогал в учебе, старался разговаривать на различные темы, объяснял интересные факты.

Периодически ездили на рыбалки, весело время проводили.

На работу меня брал к себе, он увлекался фотографией, на работе у него такая мини-фотолаборатория была.

Любил некие выступления воспитательные. Причем вещать долго велеречиво и совершенно неэффективно. Потому что при первых же словах в голове у меня опускалась некая шторка, и то, что он там говорил, проходило мимо.

Папа всегда пытался баловать меня и делать за меня все, мы часто говорили по душам, он меня постоянно хвалил за мои успехи.

Если реконструировать норму воспитания, то она будет заключаться в широком диапазоне от словесного до физического убеждения, личного примера и отсылки к авторитету:

Минимумом запретов и ограничений.

Не считал зазорным ударить газетой сына.

Показывает свой авторитет и ставит меня на место.

Периодически может прочесть нотацию.

Старался не допускать нотаций в отношениях с детьми.

Старался никогда не наказывать детей по пустякам.

Только личным примером можно.

Никогда не порол и в угол не ставил, убеждал и воспитывал в основном словами.

Папа учил: «сердце всегда должно быть горячим, а ум — холодным».

Отцово воспитание не терпело ни малейших возражений с моей стороны, в противном случае все решалось жесткими методами, присутствовал также самый тщательный контроль.

Если реконструировать оценочные суждения, они отсылают к идее жизненного пути, к которому нужно приготовиться через порядок, авторитет, дистанцию, образование:

Воспитывал меня своим примером.

Он был несколько отстранен.

Как мужчина всегда был для меня авторитетом.

Начал меня учить жизни.

Приучение к порядку папой помогает.

Считал своей обязанностью дать мне хорошее образование.

Если реконструировать режим оправдания как объяснительную модель обыденного знания об отцовстве, то обнаруживаются существенные различия в отцовстве как отсутствующем и участвующем, попустительствующем и авторитарном, эмоционально вовлеченном и холодном, компенсирующем собственные дефициты детства и транслирующем норму:

Позволял делать, что хочешь, но при этом старался спрашивать по способностям.

Отец хотел дать мне то, чего у него не было.

Нужно всегда создавать такую атмосферу в семье, чтобы ребенок понимал, что его любят.

Он всегда и неоспоримо прав, у детей нет своего мнения.

Разъезжал в командировках и часто отсутствовал дома, но я всегда знала, что он принимает участие в моем воспитании и знает о том, что происходит дома, пока его нет. Мама всегда советовалась с ним, рассказывала ему о моем поведении, а он в свою очередь занимался мною все свое свободное время, которое он проводил дома.

Для него мечта детства, чтобы у него дети росли в хороших условиях, в разных комнатах, все были одеты-обуты, чтобы ни в чем не нуждались — чего ему не хватало.

Практики российских отцов весьма дифференцированы, шкала задана, с одной стороны, авторитарным отцом, доминирующим до мелочей в повседневности, а также отсутствующим, но незримо через интерпретацию матери воспитывающим детей; с другой стороны — разнообразные формы участия отцов в школьных, досуговых, образовательных, социально-определяющих планах детей. Отцовство многолико и корреспондирует с приведенной выше типологией отцовства от традиционного кормильца, практически отсутствующего в повседневности детей, до современных и «достаточно хороших» ответственных отцов. Что кажется нам также интересным, так это межпоколенческие сдвиги, позволяющие оценить возможности и условия трансмиссии отцовских моделей в рамках ретроспективной

вертикали одной семьи (респондент / сын — отец — дедушка). Характерная фраза для поколения бабушек-дедушек:

Нас было пять детей в семье, поэтому воспитывали нас очень свободно. Росли сами по себе.

Эффектом тотальной занятости родителей «с утра до позднего вечера» стала обжитая свобода, скорее, воля, вольница, а также социализационная культура сверстников и попустительство в воспитании второго поколения — отцов, вынужденность со стороны родителей давать полную самостоятельность детям (в первую очередь — сыновьям).

Эти же отцы по отношению к своим выросшим детям транслируют понятие свободного воспитания уже как ценности:

Так и тебе в рамках безопасного, на мой взгляд, я позволял делать, что хочешь, но при этом старался спрашивать с тебя по способностям.

То, что было незапланированным результатом воспитания в поколениях дедов и отцов, последними уже воспринималось как ценность, достойная трансмиссии. Но ввиду того, что многодетная семья сменилась моделью малодетной, возник сюжет «по способностям», возможность дать больше, скомпенсировать собственное дефицитарное детство:

Для него мечта детства, чтобы у него дети росли в хороших условиях, в разных комнатах, все были одеты-обуты, чтобы ни в чем не нуждались — чего ему не хватало.

То есть практики «нового отца» по отношению к нынешнему поколению молодежи явно накопились за счет расшатывания традиционной модели предыдущего поколения, массово вовлеченного в социалистическое производство.

Ниже следует подборка отдельных секвенций из интервью, подобранная по мужской линии, то есть с точки зрения мужских паттернов воспитания и социализации, включающая также опыты полной и неполной семьи с отцами-резидентами и нерезидентами.

Первое поколение: поколение дедушек

*Было очень **голодно**. Очень. Можно было краюху черного хлеба за один присест съесть — вот такая была жизнь **тяжелая** у них. Ничего в своей жизни не видели.*

*Отец достаточно **жестко** воспитывал нас с братом. И так как я был старшим, вся ответственность была на мне.*

*Разговор — не нравоучения, именно **разговор** позволял ему донести до нас смысл, иногда мы обсуждали уже свершившееся, анализировали, иногда садились и рассуждали, как бы лучше сделать что-либо.*

Когда мы росли, мы были **предоставлены сами себе**: денег не было, было большое хозяйство. Родители работали, хозяйство было на старших детях. Подоить корову, выпасти коз, накормить куриц и гусей, всем этим мы занимались.

Для меня было главным, чтобы они были **сыты и обувь** была не дырявая.

Помню случай, мать наварила кастрюлю борща: сели за стол, мы всегда вместе ужинали, за общим столом. Так вот, поставила кастрюлю на середину стола, а оттуда на меня так и смотрит наваристый кусок мяса. Я думал, никто не видит, потянулся незаметно за этим куском, а отец меня как **по лбу ложкой** деревянной бам, так ложка и переломилась. Так и воспитывали.

Обо всех наших выходках мать сама сообщала отцу, а **он уже принимал решение** — пороть, наказывать или оставлять все как есть.

Практики отцовства в раннем поколении (дедушки) погружены в контекст труда родителей, занимавшего все их время, материальных трудностей, раннего вовлечения детей в труд и самостоятельность, патриархатной власти отца от условного «разговора», расставлявшего моральные оценки, вплоть до физических наказаний.

Второе поколение: отцовское поколение

Когда мать с отцом развелись, мне было два или три года. То есть **я его вообще не помнил**. В более взрослый период я его видел, но для меня он ничего не представлял, просто некий человек. Как отца я его не мог воспринимать. У меня **примера не было**, и, возможно, это повлияло как-то. Я осознаю, что мало уделял внимания... **я не мог мать просить** что-то покупать, современные игрушки, про поездки и подавно не говорю. Куда-то отдыхать только обеспеченные люди ездили. Все каникулы летом я проводил в деревне.

Я думаю, что **все зависело только от меня**. Не могли же они палкой меня куда-то загнать.

Мне была присуща **самостоятельность**. Уже в десять лет один ездил на другой конец Москвы заниматься спортом, а с 17—18 лет начал зарабатывать.

Обязательное мероприятие летом — сенокос. Помимо этого, внутри дома необходимо было заниматься уборкой помещения, стиркой, готовкой. Для того чтобы **дети были привлечены ко всей хозяйственной работе** и она не казалась рутиной, велась домашние тетради: по каждой работе была какая-то то ли десятибалльная оценка о выполненной работе с учетом веса этой работы. В конце недели итоги подводились, кто стал победителем. Ну, наверное, поощрялось словами.

Никто меня никуда не возил. Сам уехал из деревни в Уфу. Сам там устроился, **сами с усами**, как говорится. Сам пошел на экзамены в нужный день, сам все сдал, поступил.

Папа работал, а мама что-то дома делала.

В университетские годы мне нужно было сдавать очень сложный экзамен по истории, историю я любил и сейчас читаю много, но тогда переживал, рассказал папе, и он в такой иногда шуточной, иногда серьезной форме спрашивал меня или что-то рассказывал. Бывало, за завтраком обсуждали, а бывало — просто садились и **весь вечер могли просидеть**. Экзамен я тогда сдал на отлично.

Родители проводили с нами мало времени. Больше **мы были на улице**, в лагерях. Пионерские лагеря тоже. Постоянно, мы каждое лето ездили.

В среднем отцовском поколении уже более явно прослеживается феномен опривыченной ситуации разводов, связанной с отцами-нерезидентами и лишаящей мальчика примера. Улица как пространство социализации по-прежнему конкурирует с семьей, возникают опыты отчуждения с разведенными отцами, некомпенсированные впоследствии. Наряду с этим и в следующем поколении реализуется практика модернизированного гендерного контракта, когда отец работает, выполняя роль кормильца, а мать, наряду с работой, что-то делает дома, — как это видится растущему ребенку. И во то же время явлены примеры эмпатийного вовлеченного заботливого отцовства, которое подразумевает возможность поделиться переживаниями сына с отцом.

Третье поколение: юноши

Папа **всегда занимался со мной спортом**, учил прыгать, бегать играть в настольный теннис.

В школе учился хорошо, так как родители **уделяли много внимания образованию**, папа все время **проверял уроки**, особенно с первого по пятый класс, а сочинения по литературе проверял вплоть до 11 класса, и историю в МГУ я сдал на пять благодаря папиным рассказам.

В период моего детства мои родители активно занимались наукой, к тому же они разошлись, когда мне исполнилось три года, поэтому моим **воспитанием занималась бабушка**. Она была учителем русского языка и литературы в школе и много мне читала.

Папа периодически может **прочитать нотацию** по тому или иному поводу, когда заметит что-либо из ряда вон выходящее.

Потом от нас ушел папа, и я остался с мамой и бабушкой. После этого все **общение с папой сводилось к несколько раз в году** и поздравлению на праздники.

Папа с самого раннего детства **старался мне привить любовь к спорту**, так как считал, что каждый мужчина должен быть сильным и заниматься спортом.

*У меня всегда были проблемы с математикой, и в шестом и седьмом классе **папа проверял мои домашние работы** и объяснял мне, что было непонятно. **У папы были свои обязанности выполнения работы по дому**, и он их регулярно выполнял, что касается меня, то меня не заставляли, и я не делал никакую работу по дому, сейчас папа об этом жалеет, поскольку считает, что именно поэтому я такой ленивый.*

Проживаемая реальность отцовского влияния на уровне третьего поколения сохраняет те же тренды — отсутствующая фигура отца, дистанцированное отцовство, но также и вовлеченное отцовство, реализуемое через контроль, спорт, проверку школьных уроков, морализацию или нормирование поведения.

Разумеется, склонность давать большую свободу детям зависит от биографического опыта — того, были ли отцы удовлетворены результатом сложно полученной (сверхзанятость родителей, предоставленность детей самим себе, вынужденная самостоятельность) свободы в детстве. В целом по выборке импликации этой свободы в третьем поколении наших респондентов различны — репликация, контраст и разбавление семейной культурой матери. Кстати, многие проблематичные опыты ранней детской социализации отцами оцениваются менее пристрастно, чем матерями, которые склонны эмоционально «упаковывать» свои воспоминания. И, наконец, третье поколение, в отличие от своих родителей, в большинстве своем воспринимавших стиль воспитания как незыблемую часть культуры (лишь алкоголизм, насилие и разводы подлежали негативным оценкам), уже склонно рефлексировать и рационально проектировать будущую модель родительства/отцовства, а не только реагировать и компенсировать неудачи и проблемы воспитания в своей семье. Тем не менее общий вектор изменений в стиле отцовства — возросшее участие в воспитании детей, причем их вовлеченность варьирует от спорадического участия до осознанного и целенаправленного воспитания и социализации. Вопрос признания, вероятно, следует адресовать не столько второй половине — женщине, сколько внешнему социальному контексту, который прямо в интервью не артикулируется, но выступает поддерживающим дискурсивным фоном того, как надлежит сегодня реализовывать свою роль отца.

Заключение

Теоретическая перспектива, предпосланная анализу изменений в феномене отцовства, отсылает к идее А. Хоннета о признании, которая в одной из своих форм — признание в сфере интимных отношений, в любви, партнерстве и семье — способствует социальной интеграции. Этот концептуальный ход — через признание — позволяет рассматривать динамику отцовства в позитивной перспективе. Пожалуй, такой феномен, как отцовство, нуждается в некой новой идеологии, совершающей разворот от социально-исторически и культурно укорененных форм отсутствующего отца как негативно коннотированного. Но какой ресурс позволил бы осуществить такой разворот? На наш взгляд, интерсекциональный союз вовлеченного отцовства и заботящейся маскулинности представляет платформу, способную обеспечить эти новые перспективы как на уровне идеологии, новых ценностей, так и на уровне практик заботы и участия, понимаемых не только материально. Существенный сдвиг в концептуализации такого союза заключается

в том, что маскулинность вовлеченных отцов больше не рассматривается как культурно необеспеченная, их мужественность уже не оспаривается. Однако новое вовлеченное отцовство в союзе с заботливой маскулинностью имеет существенные символические лимиты: забота все еще ассоциирована с феминностью, ее перехват маскулинной повесткой нуждается в помощи дискурса.

Проведенный теоретико-методологический и эмпирический анализ феномена отцовства подводит к мысли, что отцовство в России как социальный институт связано с контекстом политических и социально-экономических изменений. Эти процессы имеют важные последствия для доминирующего гендерного контракта, то есть для распределения власти между полами в частной и публичной сферах и, в частности, для материнских и отцовских ролей. Основным вектор изменений может быть обозначен как движение к дискурсивному признанию отца в обществе и семье, большему спектру реализуемой заботы внутри семьи.

Советская эмансипация, основанная на понятии работницы и матери, изменила предыдущий традиционный гендерный контракт. Правда, сегодня мы понимаем, что традиционные роли не исчезли, но заняли свое, поддержанное консервативным поворотом, прочное место на фамилистском ландшафте страны. Тем не менее рост занятости женского населения не привел ни к более активному, ни к отчужденному отцовству, как это было в конце XX века на Западе. Скорее, гендерная политика Советского Союза превратила отцовство из основного источника власти в семье, связанного с другими патриархальными структурами (церковью и монархией), в маргинальный социальный институт вне ясной идеологии.

Когда этакратическая, патернализирующая семью гендерная система была разрушена перестройкой, отцовство как постсоветский дискурс стало ареной для конкурирующих идеологий. Идет активный процесс переизобретения отцовства. С одной стороны, в некоторых контекстах отцовство остается маргинальным в государственном дискурсе, с другой стороны, в более широком неотрадиционном дискурсе появились конкурирующие образы идеального отца как надежной опоры и кормильца. Образованный средний класс поддерживает образцы неимперативного участвующего вовлеченного отцовства. Таким образом, в современной России нет доминирующего дискурса отцовства, оно стратифицировано по практикам различных социальных групп, зависит от образовательного и возрастного ценза и сильно ограничено в возможностях вовлечения отцов рынком труда.

На уровне репрезентативных опросов очевиден разрыв между общими представлениями о том, каким надлежит быть современным отцам, и приближенными к уровню отцовских практик установками из повседневности. Микросоциологический анализ нарративов об опыте отцовства показывает явные сдвиги в социальном феномене отцовства в России — наряду с патриархатно-ориентированным отцом в роли классического кормильца и современным частично эгалитарным отцом как продуктом этатистского гендерного порядка появляется и закрепляется в отцовских практиках вовлеченный заботящийся отец. Как нам видится, на вовлечение отцов в российский контексте повлияли как проактивная женская позиция, так и субъективное осознание отцами ценности своего проживаемого отцовского опыта и потребность в пересмотре репрезентации отцовской роли в обществе.

Список литературы (References)

- Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95—104.
Avdeeva A. V. (2012) 'Involved Fatherhood' in Russia Today: Strategies of Participating in Children Care. *Sociological Studies*. No. 11. P. 95—104. (In Russian)
- Отцовство в России сегодня. М.: ИСЭПН РАН, 2016. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2016_otcovstvo_v_rossii_segodnya.pdf (дата обращения: 18.10.2020).
Fatherhood in Russia Today. (2016) Moscow: ISESP RAS. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2016_otcovstvo_v_rossii_segodnya.pdf (accessed: 18.10.2020). (In Russ.)
- Рождественская Е. Ю. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75—89.
Rozhdestvenskaya E. Yu. (2010) Fatherhood: A Liberal Trend from "Father" to "Daddy"? *Sociological Journal*. No. 3. P. 75—89. (In Russ.)
- Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4—15.
Temkina A. A., Rotkirch A. (2002) Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Modern Russia. *Sociological Studies*. No. 11. P. 4—15. (In Russ.)
- Чернова Ж. В. Отцовство и модели семейной политики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 4. С. 81—86.
Chernova Zh. V. (2011) Fatherhood and Family Policy Models. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 4. P. 81—86. (In Russ.)
- Baumeister R. F., Leary M. R. (1995) The Need to Belong: Desire for Interpersonal Attachments as a Fundamental Human Motivation. *Psychological Bulletin*. Vol. 117. No. 3. P. 497—529.
- Baur N., Luedtke J. (2008) Konstruktionsbereiche von Männlichkeit. Zum Stand der Männerforschung. In: Baur N., Luedtke J. (eds.) *Die soziale Konstruktion von Männlichkeit: hegemoniale und marginalisierte Männlichkeiten in Deutschland*. Opladen: Barbara Budrich. P. 7—30. <https://doi.org/10.2307/j.ctvndv9jf.3>. (In German).
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (1990) *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage.
- Brannen J., Nilsen A. (2006) From Fatherhood to Fathering: Transmission and Change among British Fathers in Four-Generation Families. *Sociology*. Vol. 40. No. 2. P. 335—352. <https://doi.org/10.1177/0038038506062036>.
- Butler J. (2008) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, NY: Routledge.

Butler J. (2014) On Cruelty. *London Review of Books*. Vol. 36. No. 14. P. 31—33.

Cheadle J. E., Amato P. R., King V. (2010) Patterns of Nonresident Father Contact. *Demography*. Vol. 47. No. 1. P. 205—225. <https://doi.org/10.1353/dem.0.0084>.

Coleman J. S. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. Vol. 94. P. S95—S120.

Coltrane S. (1996) *Family Man: Fatherhood, Housework, and Gender Equity*. New York, NY: Oxford University Press.

Coltrane S. (1998) *Gender and Families*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.

Coltrane S., Collins R. (2001) *Sociology of Marriage and the Family: Gender, Love, and Property*. Belmont, CA: Wadsworth.

Connell R. W. (1987) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Coskuner-Balli G., Thompson C. J. (2013) The Status Costs of Subordinate Cultural Capital: At-Home Fathers' Collective Pursuit of Cultural Legitimacy through Capitalizing Consumption Practices. *Journal of Consumer Research*. Vol. 40. No. 1. P. 19—41. <https://doi.org/10.1086/668640>.

de Cremer D., Blader S. L. (2006) Why Do People Care about Procedural Fairness? The Importance of Belongingness in Responding and Attending to Procedures. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 36. No. 2. P. 211—228. <https://doi.org/10.1002/ejsp.290>.

de Graaf N. D., de Graaf P. M., Kraaykamp G. (2000) Parental Cultural Capital and Educational Attainment in The Netherlands: A Refinement of the Cultural Capital Perspective. *Sociology of Education*. Vol. 73. No. 2. P. 92—111. <https://doi.org/10.2307/2673239>.

de Graaf P. M. (1988) Parents' Financial and Cultural Resources, Grades, and Transition to Secondary School in the Federal Republic of Germany. *European Sociological Review*. Vol. 4. No. 3. P. 209—221. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.esr.a036485>.

de Graaf P. M., Fokkema T. (2007) Contacts between Divorced and Non-Divorced Parents and Their Adult Children in The Netherlands: An Investment Perspective. *European Sociological Review*. Vol. 23. No. 2. P. 263—277. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl032>.

Elliott K. (2015) Caring Masculinities: Theorizing an Emerging Concept. *Men and Masculinities*. Vol. 19. No. 3. P. 240—259. <https://doi.org/10.1177/1097184X15576203>.

Elliott K. (2019) Zum Problem von Macht und Dominanz im Konzept Caring Masculinities. In: Scholz S., Heilmann A. (eds.) *Caring Masculinities? Männlichkeiten in der Transformation kapitalistischer Wachstumsgesellschaften*. Munich: OEKOM Verlag. P. 201—212. (In Germ.)

- Eriksen W., Sundet J. M., Tambs K. (2013) Are Stepfathers' Education Levels Associated with the Intelligence of Their Stepsons? A Register-Based Study of Norwegian Half-Brothers. *British Journal of Psychology*. Vol. 104. No. 2. P. 212—224. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.2012.02113.x>.
- Erola J., Jalovaara M. (2017) The Replaceable: The Inheritance of Paternal and Maternal Socioeconomic Statuses in Non-Standard Families. *Social Forces*. Vol. 95. No. 3. P. 971—995. <https://doi.org/10.1093/sf/sow089>.
- Featherstone B. (2009) *Contemporary Fathering: Theory, Policy and Practice*. Bristol: Policy Press.
- Gentry J., Harrison R. (2010) Is Advertising a Barrier to Male Movement toward Gender Change? *Marketing Theory*. Vol. 10. No. 1. P. 74—96. <https://doi.org/10.1177/1470593109355246>.
- Gärtner M., Schwerma K., Beier S. (2007) FOCUS. Fostering Caring Masculinities. Documentation of the German Expert Study. Berlin: Dissens e.V. and genderWerk.
- Glaser B., Strauss A. (1967) *The Discovery of Grounded Theory Strategies for Qualitative Research*. Mill Valley, CA: Sociology Press.
- Forgas J. P., Williams K. D. (2002) The Social Self: Introduction and Overview. In: Forgas J. P., Williams K. D. (eds.) *The Social Self: Cognitive, Interpersonal, and Intergroup Perspectives*. New York, NY: Psychology Press. P. 1—20.
- Hanlon N. (2012) *Masculinities, Care and Equality: Identity and Nurture in Men's Lives*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Heilmann A., Korn A., Scholz S. (2019) Vom Wachstum zur Fürsorge? Männlichkeiten in der Transformation kapitalistischer Wachstumsgesellschaften. In: Scholz S., Heilmann A. (eds.) *Caring Masculinities? Männlichkeiten in der Transformation kapitalistischer Wachstumsgesellschaften*. Munich: OEKOM Verlag. P. 13—42.
- Henwood K., Procter J. (2003) The 'Good Father': Reading Men's Accounts of Paternal Involvement during the Transition to First-Time Fatherhood. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 42. No. 3. P. 337—355. <https://doi.org/10.1348/014466603322438198>.
- Honneth A. (1992) Integrity and Disrespect: Principles of a Conception of Morality Based on the Theory of Recognition. *Political Theory*. Vol. 20. No. 2. P. 187—201. <https://doi.org/10.1177/0090591792020002001>.
- Honneth A. (1995) *The Fragmented World of the Social: Essays in Social and Political Philosophy*. Albany, NY: SUNY Press.
- Kalmijn M. (2015) Father — Child Relations after Divorce in Four European Countries: Patterns and Determinants. *Comparative Population Studies*. Vol. 40. No. 3. P. 251—276.
- Lamb M. E., Pleck J. H., Charnov E. L., Levine J. (1985) Paternal behavior in humans. *American Zoologist*. Vol. 25. No. 3. P. 883—894.

- LaRossa R. (1997) *The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History*. Chicago: University of Chicago Press.
- Laufenberg M. (2017) Fürsorge, Männlichkeit und Postwachstum — Ein Kommentar. *Feministische Studien*. Vol. 35. No. 2. P. 359—364. <https://doi.org/10.1515/fs-2017-0038>.
- Locock L., Alexander J. (2006) 'Just a Bystander'? Men's Place in the Process of Fetal Screening and Diagnosis. *Social Science & Medicine*. Vol. 62. No. 6. P. 1349—1359. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.08.011>.
- Mandemakers J. J., Kalmijn M. (2014) Do Mother's and Father's Education Condition the Impact of Parental Divorce on Child Well-Being? *Social Science Research*. Vol. 44. P. 187—199. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.12.003>.
- Miller T. (2011a) Falling Back into Gender: Men's Narratives and Practices around First Time Fatherhood. *Sociology*. Vol. 45. No. 6. P. 1094—1109. <https://doi.org/10.1177/0038038511419180>.
- Miller T. (2011b) *Making Sense of Fatherhood: Gender, Caring and Work*. London: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511778186>.
- Meuser M. (2005) Vom Ernährer der Familie zum ‚involvierten‘ Vater? Zur ambivalenten Modernisierung von Männlichkeit. *Figurationen*. Vol. 6. No. 2. P. 91—106. <https://doi.org/10.7788/figurationen.2005.6.2.91>. (In Germ.)
- Meuser, M. (2016) Entgrenzungen von Erwerbsarbeit und Familie: Neubestimmung der Position des Mannes in der Familie? In: Lengersdorf D., Meuser M. (eds.) *Männlichkeiten und der Strukturwandel von Erwerbsarbeit in globalisierten Gesellschaften*. Diagnosen und Perspektiven. Weinheim/Basel: Beltz Juventa. P. 159—179.
- Parke R. D. (1996) *Fatherhood*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Pleck J. H. (1981) *The Myth of Masculinity*. London: MIT Press.
- Pleck J. H. (1987) American Fatherhood: A Historical Perspective. In: Kimmel M. S. (ed.) *Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity*. Newbury Park, CA: Sage. P. 83—97.
- Ryan R. M., Kalil A., Ziol-Guest K. M. (2008) Longitudinal Patterns of Nonresident Fathers' Involvement: The Role of Resources and Relations. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 70. No. 4. P. 962—977. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2008.00539.x>.
- Russell G. (1986) Primary Caretaking and Role-Sharing Fathers. In: Lamb M. E. (ed.) *The Father's Role: Applied Perspectives*. New York, NY: Wiley. P. 29—57.
- Scambor E., Holter O. G., Theunert M. (2018) Caring Masculinities — Men as Actors and Beneficiaries of Gender Equality. In: *Documentation of the 3rd International Conference on Men and Equal Opportunities, Luxemburg-2016*. P. 27—37. URL: <https://vmg-steiermark.at/de/forschung/publikation/caring-masculinities-men-actors-and-beneficiaries-gender-equality> (accessed: 18.10.2020).

Scott M. E., Booth A., King V., Johnson D. R. (2007) Postdivorce Father — Adolescent Closeness. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 69. No. 5. P. 1194—1209. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2007.00441.x>.

Sennett R., Cobb J. (1972) *The Hidden Injuries of Class*. New York, NY: Vintage Books.

Tajfel H., Turner J. C. (1986) The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Worchel S., Austin W. G. (eds.) *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, IL: Nelson-Hall. P. 7—24.

Tyler T. R., Smith H. J. (1999) Justice, Social Identity, and Group Processes. In: Tyler T. R., Kramer R. M., John O. P. (eds.) *The Psychology of the Social Self*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associate. P. 223—264.

Wall G., Arnold S. (2007) How Involved is Involved Fathering? An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood. *Gender & Society*. Vol. 21. No. 4. P. 508—527. <https://doi.org/10.1177/0891243207304973>.

Williams S. (2008) What is Fatherhood? Searching for the Reflexive Father. *Sociology*. Vol. 42. No. 3. P. 487—502. <https://doi.org/10.1177/0038038508088837>.